

*Архимандрит КИРИЛЛ (Гундяев),
кандидат богословия*

К ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДИАКОНАТА

Проблема происхождения церковной иерархии являлась, как известно, предметом тщательного изучения наших отечественных богословов. Такие выдающиеся русские исследователи, как проф. А. Лебедев, проф. В. Мышцин, проф. П. Писарев, внесли в эту область немалый вклад. Однако в настоящее время представляются весьма важными как обобщение результатов проводившихся ранее работ, так и новые исследования в данной области. Необходимость серьезной разработки указанной проблемы во многом определяется ее значением для современного православного богословия. Следует также отметить, что изучение вопроса о церковной иерархии представляется к тому же экуменически актуальным. Именно поэтому данная проблема нашла свое место среди других проблем, изучаемых Комиссией «Вера и церковное устройство», призванной в рамках Всемирного Совета Церквей заниматься вопросами вероучения.

Предлагаемая статья посвящена одному из частных аспектов общей проблемы возникновения церковной иерархии, а именно: происхождению диаконского служения и касается характера связи служения «семи» в Иерусалиме с позднейшим диаконатом.

Как свидетельствует книга Деяний, в начальный период существования иерусалимской общины в ней отсутствовала иерархическая структура. Из этого не следует, что здесь все члены занимали одинаковое положение и не отличались друг от друга наличием определенных прав и обязанностей. Различия в иерусалимской общине существовали, и причиной тому было присутствие в ней ближайших учеников Спасителя, которые по данному им праву занимали руководящее положение. За исключением апостолов, все другие члены в правовом отношении были равны. Воодушевленные единой верой, объединенные взаимной любовью, они жили одной большой семьей, имея в лице «двенадцати» авторитетных руководителей и наставников. Однако увеличение числа членов общины и ее несколько разнородный состав вызвали некоторые трудности в церковной жизни иерусалимских христиан, и это, как можно судить из книги Деяний, явилось причиной введения иерархической организации.

Насколько известно, в состав иерусалимской общины входили не только местные иудеи, но и иудеи, жившие в рассеянии, т. н. эллинисты. Последние, живя в странах, лежавших вне Палестины, говорили обычно по-гречески, имели свои синагоги и под влиянием окружающей их языческой среды не так scrupulously исполняли предписания закона. Эллинистические влияния проявлялись еще и в том, что иудеи рассеяния пытались примирить традиционные библейские представления своих предков с господствовавшей греко-римской образованностью, для чего широко использовали не очень-то поощрявшийся правоверными иудеями аллегорический метод толкования Библии, способствовавший привнесению идей языческих мыслителей. Местные иудеи, говорившие по-арамейски и строго соблюдавшие отеческие законы, испытывали неприязнь к эллинистам. Эта напряженность во взаимоотношениях в

некоторой мере проявилась и в жизни христианской иерусалимской общины. По словам дееписателя, произошло это тогда, «когда умножились ученики» (Деян. 6, 1). Эллинисты стали роптать на евреев за то, что те пренебрегали их вдовицами при раздавании ежедневных потребностей.

Тогда апостолы, сознавая, сколь затруднительно им самим без ущерба для дела проповеди «пещись о столах», предложили собравшемуся «множеству учеников» избрать из своей среды семь человек «изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости» (Деян. 6, 2—3), дабы те были ответственными раздавателями «потребностей» и служителями общих трапез. И община избрала семерых, судя по именам, по-видимому, эллинистов¹, которые через молитву и возложение апостольских рук были поставлены на это служение.

Несмотря на ясность изложения, история «семи» возбуждает целый ряд вопросов: во-первых, почему именно семерым было поручено служение трапезам, взято ли это число произвольно, или оно употреблено с определенным смыслом, наподобие «двенадцати»; во-вторых, было ли раздавание «потребностей» единственным содержанием этого служения, каково здесь значение апостольского рукоположения и, наконец, в-третьих, существует ли, а если существует, то в чем выражается связь между служением «семи» и диаконским служением в Церкви?

Что касается числа «семь», то можно предположить, что оно было естественно заимствовано из тогдашней иудейской организации. Так, Иосиф Флавий в своих «Древностях» свидетельствует об обычае, по его мнению, учрежденном Моисеем, поставлять руководителей малых городских и деревенских общин в количестве семи человек². Естественно, что, вводя новое служение, вызванное нуждами общины, апостолы могли воспользоваться именно этой привычной для евреев структурой, но из этого совсем не следует заключать, как справедливо считает В. Мышцин, что вместе с именем и числом была заимствована и сама сущность учреждения³. Принципиальное отличие христианского служения «семи» — в отсутствии у последних управленческих и судебных функций, исполнявшихся еврейскими правителями.

Как повествует дееписатель, специальным назначением «семи» было служение при столах и раздавание «потребностей». Вместе с тем можно предположить, что устраиваемые в Иерусалимской Церкви общие трапезы, по всей вероятности, соединялись с евхаристическим преломлением хлеба (Деян. 2, 46) и тем самым приобретали сакраментальный характер. Известный русский исследователь, занимавшийся историей христианских агап, П. Соколов пишет по поводу иерусалимских трапез следующее: «...Благодаря своей связи с молитвой и причащением эти трапезы имели специфически богослужебный характер, и добровольные приношения, поскольку составляли собой... приношения требуемых припасов, носили также богослужебный характер»⁴. Именно это обстоятельство побудило проф. В. Мышчина отнестись обязанности «семи» не только к трапезам, но и к Евхаристии⁵. А отсюда следует, что они, возможно, раздавали или разносили верующим Св. Дары и даже, может быть, оказывали помощь апостолам при совершении Евхаристии. Требование от кандидатов в диаконы особой духовной одаренности и мудрости лишний раз свидетельствует в пользу указанного предположения.

¹ П. Соколов. Агапы, или вечера любви, в древнехристианском мире. Сергиев Посад, 1902, с. 36.

² Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. I. СПб., 1900, с. 218.

³ В. Мышцин. Цит. соч., с. 26.

⁴ П. Соколов. Агапы, или вечера любви, в древнехристианском мире. Сергиев Посад, 1906, с. 11.

⁵ В. Мышцин. Цит. соч., с. 27.

Но обязанности избранных мужей не ограничивались только сакраментальным служением при общих трапезах; некоторые из «семи» принимали активное участие в проповедании Евангелия. Достаточно вспомнить пламенную проповедь исполненного верою первоученика Стефана (Деян. 7, 2—53) и миссионерскую деятельность благовестника (Деян. 21, 8) Филиппа (Деян. 8, 5—13, 26—40). Но если бы даже служение «семи» не имело столь ярко выраженного духовного характера, его нельзя было бы назвать только административным, мирским. Основания к тому покоятся на древнехристианском представлении о церковном имуществе, которое рассматривалось как жертва любви, принесенная Самому Господу. Именно поэтому кто утаивал из пожертвованного общине, лгал не апостолам, но Духу Святому (Деян. 5, 3).

Совершенно особый характер всей истории «семи» придает одно весьма важное обстоятельство — подробное повествование о способе их избрания и поставления. Ничего подобного не встречается не только в новозаветной, но и во всей ближайшей к апостольскому веку литературе. В поставлении «семи» ясно вырисовывается, с одной стороны, роль общины, с другой — святых апостолов. Последние, как известно, были инициаторами создания нового служения и совершителями сакраментального акта посвящения. До поставления «семи» все служебные функции в общине принадлежали апостолам. Не исключено, правда, что некоторые члены Иерусалимской Церкви добровольно несли те или иные незначительные службы (Деян. 5, 10; 6, 1), но как формальное учреждение «семь» не имели прецедента. Поэтому инициативу апостолов следует рассматривать как нечто совершенно новое, как создание принципа, определившего бытие различных по своему назначению церковно-иерархических служений. Другой не менее важной апостольской акцией было посвящение, которое совершалось через рукоположение. Само по себе это действие не было новым для еврейской общины. Известно, что израильтяне широко употребляли возложение рук как символ передачи полномочий⁶.

Однако в христианстве с самого начала рукоположению усваивался особый священный смысл: оно означало низведение благодати Святого Духа (Деян. 8, 14—19). Тот факт, что совершителями рукоположения «семи» были именно апостолы, не является случайным. Он указывает на чрезвычайное значение этого действия, которое несомненно в первохристианской иерусалимской общине по праву принадлежало только апостолам. С другой стороны, в Деяниях ясно сказано о роли общины, выразившейся в послушании апостолам и в избрании кандидатов (Деян. 6, 3, 5). Если сравнить это поставление с последующим возведением в иерархическое достоинство, то, несмотря на характер служения «семи», т. е. вне зависимости от того, было ли оно одним из видов существующих в настоящее время служений, или было чем-то иным, нужно отметить некоторое сходство в принципиально важных моментах.

«Семь» были избраны по воле общины; поставление современных клириков также сопровождается свидетельством общинного волеизъявления (возглашение слова «Повелите», пение «Аксиос»). В Деяниях акт посвящения совершали апостолы, т. е. лица, имевшие особые, не связанные авторитетом общины полномочия; теперь — епископы, которые, как верит Церковь, являются наследниками апостольского служения. Посвящение «семи» сопровождалось молитвой с возложением рук, то же видим мы во время современной хиротонии. Как современные клирики не являются простыми добровольными исполнителями церковных служений, так и на избранных в Иерусалиме были возложены определенные полномочия, придававшие их положению формальный служебный, т. е. правовой характер.

⁶ В. Мышцын. Цит. соч., с. 32.

Выше, ссылаясь на проф. В. Мыщина, мы отметили, что, по всей вероятности, «семь», судя по их именам, были эллинистами. Об этом трудно говорить очень определенно, но, видимо, преобладающими здесь действительно были иудеи рассеяния, среди которых, как отмечает дееписатель, один, по имени Николай, происходил из антиохийских язычников.

Вскоре, как известно, в Иерусалиме со стороны местных иудеев было поднято гонение, жертвами которого стали христиане-эллинисты. О причинах можно лишь догадываться, но скорее всего главной движущей силой было извечное недоброжелательство к иноземным иудеям, усиленное недовольством активной христианской деятельностью последних. Это гонение дало Церкви первого мученика — Стефана, одного из «семи», обвиненного в богохульстве и кощунственном отношении к закону Моисея (Деян. 6, 11).

По всей вероятности, в результате гонения эллинисты покинули город; на этом же же кончается и история служения «семи». Видимо, они тоже ушли из Иерусалима, так как несколько позже дееписатель упоминает одного из них — Филиппа, живущего со своей семьей в Кесарии (Деян. 21, 8).

Из всего этого следует, что первое должностное служение христианской Церкви, обязанное своим происхождением присутствию эллинистов, не было долговечным. И с уходом последних из Иерусалима оно прекращает свое существование⁷.

Последним и наиболее важным вопросом, касающимся указанного служения, является, по всей вероятности, вопрос связи «семи» с последующими церковно-иерархическими служениями и, в частности, с диакономатом. Известно, что предание называет избранных в Иерусалиме диаконами⁸. Но существуют аргументы, и, надо сказать, весьма веские, против отождествления «семи» с позднейшими диаконами. Мы позволим себе привести те мнения «за» и «против», которые существуют на этот счет.

Если сравнить функции «семи» с диаконскими обязанностями в последующее время, то невольно обращает на себя внимание их сходство. Как известно, избранники иерусалимской общины были поставлены в первую очередь для раздачи евхаристических Даров (как это было показано выше) и, возможно, также для заботы о неимущих страждущих членах общины, например, вдовах (Деян. 6, 1)⁹.

Согласно древнейшим источникам, в обязанности диаконов входит также раздача евхаристических Даров верующим и забота о сиротах и вдовах. Иустин Философ пишет, что «диаконы дают каждому из присутствующих приобщаться хлеба, над которым совершенно благодарение, и вина, и воды и относят к тем, которые отсутствуют»¹⁰.

В книге Ерма находим упоминание о диаконах, которые плохо проходили вверенное им служение: расхищали принадлежащее вдовам и сиротам и, таким образом, наживались от своей службы¹¹.

⁷ Правда, проф. Конидарис считает, что служение «семи» не исчезает в Иерусалимской Церкви, о нем якобы просто не упоминается больше в Деяниях по той причине, что «служители трапез» («семь» или их преемники) не принимают участия в управлении общины. В качестве подтверждения профессор приводит Деян. 20, 17; 21, 19. Однако предположение ученого, основанное на Деяниях, представляется весьма гипотетичным.

⁸ Апостольские Постановления, кн. 8, гл. 46. Казань, 1864, с. 305.

⁹ Г. Дикс утверждает, что забота о бедных была также обязанностью и «семи» служителей в иудейских общинах.

¹⁰ Св. Иустин. I Апология. М., 1892, с. 97.

¹¹ Ерма. Подоб. IX, 26. Писания мужей апостольских. СПб., 1895, с. 240.

Проф. П. Писарев пришел к выводу, что основной обязанностью диаконов, согласно древним письменным памятникам, нужно считать «почетительство о столах» («Очерки из истории христианского вероучения патристического периода». Т. I. Казань, 1915, с. 604).

На связь «семи» с позднейшим диаконатом указывает еще одно немаловажное обстоятельство, с которым особенно приходится считаться православному исследователю. Это — церковное предание. К приведенным выше свидетельствам можно добавить утверждение св. Киприана относительно тождественности служения «семи» и последующего диаконата¹² и указание св. Иринея на Николая как на «одного из семи диаконов (!), поставленных апостолами», как на основоположника гностической ереси николаитов¹³.

Неокесарийский Собор своим 15-м правилом предписывает: «Диаконов, по правилу, должно быть семь, хотя бы и очень велик был город. В этом ты удостоверись из книги Деяний»¹⁴. По свидетельству церковного историка Созомена, Римская Церковь, следуя приведенному выше пониманию книги Деяний, не допускала у себя поставления больше семи диаконов¹⁵, и этот обычай удерживался здесь довольно долго¹⁶.

Из ее истории мы имеем еще одно немаловажное свидетельство. Так, св. Ипполит приводит в своих канонах молитву на поставление диакона, в которой подчеркивается тождественность настоящего служения со служением «семи». Текст молитвы диаконской хиротонии Православной Церкви, как известно, отражает ту же мысль. Другими словами, следует признать, что толкование «семи» в смысле диаконов надежно укоренилось в церковном предании, и не считаться с этим фактом невозможно.

Переходя к изложению противоположных аргументов, обратим внимание на деталь, которая могла явиться поводом к наименованию в позднейшее время избранников иерусалимской общины диаконами. Дело в том, что, описывая функции «семи», дееписатель употребил слово *διακονία* — служение (в данном случае при столах). Но следует заметить, что обстоятельство это больше говорит против диаконского служения «семи», чем «за», так как слово *διακονία* имеет в новозаветной литературе весьма широкое употребление. Апостол Павел называет именем *διάκονος* Самого Иисуса Христа (Рим. 15, 8), все христиане — *θεοὶ διάκονοι* (2 Кор. 6, 4), есть также *διάκονοι* сатаны (2 Кор. 11, 15). Сам Апостол называет себя *διάκονος* (Кол. 1, 25; Еф. 3, 7) благовестования и Церкви и дает это же наименование Тихику (Еф. 6, 21; Кол. 4, 7), Тимофею (1 Фес. 3, 2) и Аполлосу (1 Кор. 3, 5). Очевидно, *διάκονος* имеет у Апостола значение служителя, т. е. человека, посвятившего себя определенному служению. Ныне это понятие, имевшее ранее столь широкое значение, употребляется более конкретно — как обозначение того особого служения, которое Господь возложил на пастырей Его народа¹⁷, а также параллельно в узком, специальном смысле как обозначение одной из степеней церковной иерархии. Таким образом, употребление дееписателем слова *διάκονος* не может быть аргументом в пользу отождествления «семи» с последующими диаконами.

Запечатленные же в предании свидетельства, также отождествляющие служение избранных в Иерусалиме с позднейшим диаконатом, далеко не всеми принимаются безоговорочно. Более того, те же выразители предания (святые отцы и церковные соборы) иногда открыто не

¹² Св. Киприан. Творения, 4-е письмо. Киев, 1891, с. 110.

¹³ Св. Иринея. Против ересей. I, 26, 3. СПб., 1900, с. 95.

¹⁴ Деяния девяти Поместных соборов. Казань, 1901, с. 15.

¹⁵ Ермий Созомен. Церковная история, кн. VII, гл. 19. СПб., 1815.

¹⁶ По мнению Гарнака, этот обычай имел место в Риме уже к концу II века и удерживался еще некоторое время по истечении III столетия (Р. Зом. Церковный строй в первые века христианства. М., 1906, с. 198). Вслед за Гарнаком Зом усматривает в этом же причину образования иподиаконского института и, развивая указанный принцип дальше, заключает об аналогичном происхождении степени аколуфов (там же, с. 212).

¹⁷ II Ватиканский Собор. Догматическое постановление о Церкви, 1966, с. 29.

разделяют это мнение. Так, упоминавшееся выше 15-е правило Неоке-сарийского Собора было отменено 16-м правилом Трулльского Собора, отцы которого аргументировали свое решение следующим образом: «Мы, снесши с апостольским изречением мысль отцов, находим, что у них было слово не о мужах, служащих таинствам, но о служении в потребностях трапез»¹⁸.

В беседе на книгу Деяний Иоанн Златоуст говорит: «А какой именно сан имели они и какое получили рукоположение, это необходимо рассмотреть. Не диаконское ли? Но эти распоряжения в церквях предоставляются не диаконам, а пресвитерам; притом, тогда не было еще ни одного епископа, а только апостолы...»¹⁹. И далее, говоря о первомученике Стефане, главном и первом в числе семи²⁰, добавляет: «В самом деле, скажи мне, чего у него не доставало в сравнении с апостолами?»²¹.

Таким образом, церковное предание не дает ясного ответа на поставленный вопрос, так как его выразители с одинаковой степенью убедительности свидетельствуют о различных мнениях. Отсюда следует, что из представленных аргументов «за» наиболее существенным нужно признать тот, который основывается на сходстве обязанностей «семи» с последующим диаконом.

Что касается противоположных возражений, то, помимо приведенных выше, они в основном сводятся к следующему: служение «семи» имело временный характер, оно было определено целым рядом причин и потому прекратило свое существование, как только отпала в нем нужда. Проф. А. Лебедев, например, связывает это служение с обобщением имущества и утверждает, что прекращение деятельности «семи» было вызвано исчезновением практики общения имений²².

Трудно полностью разделить эту точку зрения по той причине, что служение «семи», помимо возможных хозяйственных, заключало в себе сакраментальные функции, но тем не менее временный беспрепятственный, а потому, можно сказать, чрезвычайный его характер очевиден.

Проф. А. Лебедев прямо предлагает отнести этих семь мужей к разряду харизматических лиц²³; более того, именно в харизматичности их служения усматривает он одно из препятствий к смешению «семи» с диаконом. Отмечая особую проповедническую деятельность Филиппа и возвышенное, исполненное внутренней силы исповедание Стефана, он заключает, что это уже не диаконы, а лица «апостольского» достоинства²⁴. Другой православный богослов вообще главным поприщем первомученика считал не служение в общине, а благовестие. Даже само поставление «семи» в плане Деяний, по его мнению, имело значение введения к повествованию о благовестничестве Стефана²⁵. Он же, хотя и не решает окончательно вопроса о характере служения «семи», но тем не менее определенно отдает предпочтение мнению, отрицающему его тождество с диаконом²⁶. Как особо одаренных, «исполненных Святаго Духа и мудрости» понимал «семерых» немецкий ученый Зом. Однако в оценке их харизматичности явно сказались его протестантские убеждения. Для Зомы «семь» — это не только особо одаренные

¹⁸ Деяния Вселенских Соборов. Т. 6. Изд. 3. Казань, 1908, с. 279.

¹⁹ Св. Иоанн Златоуст. Беседа 14-я на Деяния. Творения, т. 9. СПб., 1903, с. 138.

²⁰ Там же, с. 143.

²¹ Там же, с. 144.

²² Проф. А. Лебедев. По вопросу происхождения первохристианской иерархии. Сергиев Посад, 1907, с. 10—11.

²³ Там же, с. 11.

²⁴ Там же.

²⁵ Еп. Кассиан. Христос и первое христианское поколение. Париж, 1950, с. 137.

²⁶ Там же, с. 138.

служители общины, но и независимые от апостолов, поставленные Самим Богом руководители Церкви²⁷.

Проф. В. Мышцин, не отрицая хорошо обоснованного предположения Зома относительно харизматичности «семи», довольно успешно и аргументированно возражает против допущенных протестантским учением крайностей²⁸. Исследователи, не признающие диаконского служения в иерусалимской общине, усматривают зарождение диаконата в более позднее время в Церквях, основанных апостолом Павлом. Отмечая близость диакона к епископу, проф. А. Лебедев усматривает в этом причину происхождения диаконата как служебной должности при епископе; при этом он полностью игнорирует какое-либо влияние института «семи»²⁹.

Эту же точку зрения разделяет прот. Н. Малиновский, который в своем «Очерке православного догматического богословия» пишет, что «богочужденность в Церкви чина диаконского предполагается в посланиях апостола Павла»³⁰. Действительно, как известно, в Павловых общинах были лица, которые имели специальное, уже получившее весьма конкретный смысл название диаконов (Флп. 1, 1). Но здесь возникает вопрос: если эти люди несли определенное должностное служение, то было ли оно вновь создано в Церкви, или только возрождено, другими словами, существовала ли связь этого института с иерусалимским институтом «семи». Можно считать доказанным, что «семь» не имели преемства в Иерусалимской Церкви; то же следует сказать и о других Церквях, по крайней мере, нет фактического материала для соответствующих положительных выводов. Из того, что мы знаем о дальнейшей судьбе «семи», можно заключить об особом, корпоративном характере их служения. Нельзя говорить о каких-то временных полномочиях, исчерпывающихся лишь только в Иерусалимской общине; скорее всего, тот факт, что никто из «семи» в отдельности не исполняет в дальнейшем в других общинах возложенных на них в Иерусалиме обязанностей, говорит в пользу зависимости их служения от наличия всей корпорации. В этой связи «семь» представляются явлением совершенно особым, не имевшим продолжения в последующей истории Церкви.

Но вместе с тем нельзя отрицать несомненного сходства некоторых обязанностей «семи» с обязанностями позднейших диаконов. Данное обстоятельство дает повод говорить о действительно существующем единстве между этими служениями, о том единстве, сознание которого до сих пор живо в Церкви. Последующие диаконы исполняли в общине обязанности, составлявшие лишь часть обязанностей «семи». Они не были наследниками этого глубоко духовного, чрезвычайно одаренного должностного служения первенствующей Иерусалимской Церкви. Они несли принципиально новое иерархическое служение, наследовавшее, однако, некоторые функции посвященных апостолами мужей. Таким образом, говоря о связи «семи» с диаконатом, следует подразумевать не однородность служебного достоинства, а некоторое сходство обязанностей, которое дает возможность при всем имеющемся различии видеть в «исполненных Святаго Духа и мудрости» прототип будущих диаконов.

²⁷ Р. Зом. Цит. соч., с. 121—122, 197.

²⁸ В. Мышцин. Цит. соч., с. 29.

²⁹ Проф. А. Лебедев. Цит. соч., с. 11—12.

³⁰ Прот. Н. Малиновский. Очерк православного догматического богословия. Ч. II. Сергиев Посад, 1912, с. 231.